

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ**

Сборник материалов X Международной
молодежной научной конференции
(Томск, 16–18 апреля 2014 г.)

Выпуск 10

Т. 1

Научный редактор П.П. Румянцев

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2014

Д.Д. Крылова

ОДЕРЖИМОСТЬ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ИНДЕНТИФИКАЦИИ В ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XVI–XVII вв.

Исследуются причины проблемы идентификации одержимости в локальных сообществах Западной Европы XVI–XVII вв. Предлагается попытка анализа и систематизации различных факторов, влияющих на определение и выявление одержимого в западноевропейском обществе позднего средневековья, а также момента перехода одержимого в другие ипостаси – колдуна, святого, сумасшедшего.

Ключевые слова: одержимость; идентификация; Западная Европа.

В 1633 г. во французском городе Луден произошла вспышка эпидемии одержимости среди монахинь-урсулинок во главе с аббатисой монастыря Жанной Д'Анж (Жанной от Ангелов). В ходе разбирательств и проведенных экзорцизмов по обвинению в колдовстве и насылании бесов на монахинь был осужден и казнен приходской священник Урбен Грандье. Однако эпидемия в городе продолжилась и после смерти главного обвиняемого лица. После нескольких лет публичных экзорцизмов Жанна и ее сестры, в конце концов, были освобождены от власти демонов. Сама Жанна при жизни приобрела статус святой, совершила турне по Франции и была приглашена ко двору короля Людовика XIII [1. С. 282–286]. Несколько лет спустя в 1647 г. уже в городе Лувьер, что в Нормандии, произошел аналогичный случай одержимости среди монахинь. Главным действующим лицом стала Мадлен Бавен, которая обвинила капеллана монастыря в колдовстве и порче. В ходе судебного дела были казнены три священника, а вскоре и сама Мадлен была обвинена в колдовстве и арестована. Мадлен умерла в заключении, так и не дождавшись окончательного решения по своему делу [2. С. 79–85].

Каждый из приведенных нами выше случаев ставит нас перед вопросом – как и почему практически идентичные истории имеют такой разный финал? Почему грань между одержимым, святым и колдуном настолько призрачна, что позволяла одному состоянию плавно перетекать в другое, и в чем же причины превращения изначального статуса в совершенно иное качество. Ведь подобных случаев в мировой истории было

немало, одним из самых известных казусов является судебный процесс над Жанной Д'Арк – Орлеанской Девой. Изначально ее авторитет базировался на прямой связи с Богом, и эта связь никем не ставилась под сомнение. Однако в последующем ее объявили ведьмой, она была осуждена и казнена. Лишь через несколько столетий Жанна была канонизирована церковью [3. С. 170].

В период XVI–XVII вв., который характеризуется многими исследователями как пик проявления одержимости среди населения позднесредневековой Европы [4. С. 231], мы наблюдаем разрозненность и противоречивость описаний и критериев определения одержимости и как следствие находим множество аналогичных одержимости описаний болезней и недугов под разными названиями и различным отношением к ним. Таким образом, наиболее сходными по смыслу термину «одержимость» стали понятия – порча, колдовство, святость [5. С. 31–126].

На наш взгляд, следует выделить комплекс причин, способствующих процессу формирования данной ситуации.

Первое, на что стоит обратить внимание, это состояние самого термина «одержимость» в позднесредневековую эпоху. К этому времени термин представлял собой сложносоставное многослойное понятие, которое находилось на стыке нескольких культурных пластов – народной традиционной культуры, во многом связанной с язычеством, и элитарной теологической, демонологической культурой, в первую очередь представленной церковной элитой, а также появляющимся классом ученых – медиков, юристов и т.д. [6. С. 30]. В связи с этим мы наблюдаем взаимопроникновение одних из самых важных концептов на протяжении всего раннего Нового времени: концепта ведовства, демонологии и образа Дьявола – в понятие одержимость. Причем этот термин так и не получил законченного и точного определения, каждый из авторов медицинских или демонологических трактатов подходил довольно вольно к описанию данного явления, хотя определенное клише все же было сформировано. Так, авторы практически не расходятся в описании припадков и развития болезни у одержимого, в проведении ритуала экзорцизма и изгнании демонов, но природа возникновения и критерии определения одержимости, от которых напрямую зависела постановка правильного диагноза, сильно разнятся. Они то и дело перекликаются с признаками колдовства или заключения сделки с Дьяволом, либо с явно противоположным сюжетом – жития святых, сотворение чуда [3. С. 293–298; 7. С. 320; 8. С. 59–148; 9. С. 124–288].

В первую очередь, это связано с тем, что по мере развития демонологии термин «одержимость» был несколько раз переработан. К XVI в. его понимание было напрямую связано с понятием ведовства (отношения между одержимым и ведьмой как жертвы и преступника), а также с сформировавшимся образом Дьявола как вселенского зла, которому подчиняется сонм бесчисленных бесов и демонов, становившихся причиной возникновения одержимости. С другой стороны, одержимость, развиваясь в рамках житийной литературы, была сопряжена с концептами чуда и святости [10. С. 200–202]. Интересным является тот факт, что описания некоторых типов чудес мало отличаются от описаний порчи, как, например, чудеса о наказании [11. С. 118–134]. Фигура святого, также как и одержимого, носила двусмысленный характер. Любой человек, находившийся в контакте со сверхъестественными силами, не мог быть уверен в происхождении этих сил.

Скорее всего, разночтения в письменных источниках данной эпохи связаны с определенной традицией представлений о добре и зле в отдельных регионах стран Западной Европы. Унифицированная и разветвленная система мира, созданная демонологами и теологами, в общем и целом находилась и воспринималась в рамках ограниченного круга лиц, принадлежавших к книжной культуре. Народные массы хоть и соприкасались с ней, но в большинстве своем транслировали древние, передававшиеся из поколения к поколению представления о потустороннем мире, духах и их месте в обыденной жизни рядового человека. Особенно явно это проявляется в рассказах о причине, месте и времени возникновения одержимости, в них можно найти отсылки к культуре предков, вере в заблудшие души и приведения, представлениям об отношениях человека с нечистой силой, магических практиках и т.д. [12. С. 40; 13. С. 158–160]. В частности, эпидемия в Лудене была связана с тем, что здание, в котором располагался женский монастырь, имело в городе репутацию «нехорошего дома», люди считали, что там водилась нечисть [1. С. 107].

Видимо, принципиальное значение в процессах над ведьмами и в отношении к одержимости имели распространенные в локальном сообществе сказочные нарративы – легенды, сказания и сказки о чудесах, колдовстве, ведьмах и потусторонних силах [14. С. 8–12; 15. С. 161–165]. Таким образом, в зависимости от характера, бытовавшего на определенной территории нарратива, люди определяли, с чем они имеют дело, а порой и сами провоцировали суд над ведьмой, где воспроизводили известный всей общине сказочный сценарий. Ярким примером воспроиз-

водства сказочного нарратива может служить процесс над Жилем Де Ре, считается, что именно он является прототипом Синей Бороды. Крестьяне, выступавшие свидетелями на суде, воспроизводили всем известную сказку о злодействах над невинными детьми, скорее всего они обвиняли его в преступлениях, которых никогда не было, но существовавших в массовом сознании в виде определенного архетипа [16. С. 254–293].

Следующим важным элементом для верного выявления одержимости членами того или иного сообщества являлся статус человека, которого подозревали в каких-либо отношениях с потусторонним миром. Материальная и имущественная составляющая имиджа того или иного человека не имела определяющего значения, хотя и учитывалась. Самым важным было общее отношение общины к подозреваемому – негативное или положительное, уважительное или подозрительное и т.д. Причем репутация индивида зарабатывалась стараниями всей семьи на протяжении нескольких поколений, репутация же конкретного человека зависела от сферы деятельности, которую он для себя избрал, его характера и значимости его фигуры в общине. Печальный конец истории Мадлен Бавен во многом был определен ее сложными отношениями с другими монахинями: она так и не смогла влиться в единый коллектив, и после казни обвиняемых священников именно сестры выдвинули обвинения против Мадлен [2. С. 80–85]. В Лудене сложилась противоположная ситуация, несмотря на то, что в городе преобладали гугеноты, авторитет Жанны и ее сестер был высок, внутри монашеского коллектива не было противоречий [1. С. 132].

Одним из определяющих факторов в процессе идентификации одержимого, в случае, когда община либо не могла договориться между собой о природе недомогания одного из ее членов, либо не могла поставить какой-либо диагноз, становилось мнение третьего лица, обладающего непререкаемым авторитетом среди населения. Таким лицом мог стать приглашенный специалист в области теологии или демонологии, известный экзорцист или медик, знания которого в области сверхъестественного не подвергались сомнению. Иногда таким лицом мог стать наиболее уважаемый член общины или приходской священник, монах. Во многом от того, какую позицию занимали эти люди в каждом отдельном случае, зависела дальнейшая судьба подозреваемого, в их руках была возможность как остановить панику и истерию вокруг одержимого, так и раздуть ее, развернув широкомасштабный антиведовский процесс.

Бывало, что на один случай одержимости находилось два авторитетных лица с абсолютно противоположными мнениями. Массу подобных примеров мы найдем в Англии XVI–XVII вв., где развернулись дискуссии о природе и реальности одержимости, итогом которых стали скандалы и разоблачения псевдоодержимых и «несправедливо осужденных» ведьм [17. С. 150–156]. Одним из самых известных случаев является дело «одержимого» Томаса Дарлинга и «ведьмы» Алисы Гудридж, по ходу которого развернулась полемика между Дж. Дареллом и Харсетом. В итоге Томас Дарлинг был уличен в клевете, а Алиса Гудридж умерла под арестом [18. С. 127–146]. Решение по одержимости луденских монахинь также принимало не одно авторитетное лицо – кардинал Ришелье, архиепископ Сури, Жан Жозеф Сурен [2. С. 120–125].

Мы видим, что на процесс идентификации одержимого в конкретном сообществе, будь то деревенская община или же городское сообщество, влияло множество факторов. Их причудливое переплетение генерировало уникальную среду, в которой формировалось мнение в отношении лица, подозревавшегося в отношении со сверхъестественными силами. В зависимости от преобладания тех или иных тенденций люди с практически идентичными историями либо были канонизированы, либо осуждены, порой именно случай определял общий итог и сценарий развития ситуации.

Литература

1. *Хаксли О.* Луденские бесы. М., 2000.
2. *Ferber S.* Demonic possession and exorcism: In early modern France. N.Y., 2004.
3. Энциклопедия демонологии и колдовства / под ред. Р.Х. Робинсона. М., 1996.
4. *Levack B.P.* The Witchcraft sourcebook. N.Y., 2005.
5. *Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые. Антропология болезни в Средние века. СПб., 2004.
6. *Рассел Дж. Б.* Колдовство и ведьмы в Средние века. СПб., 2001.
7. *Бертон Р.* Анатомия меланхолии. М., 2005.
8. *Гиффорд Дж.* Диалог о ведьмах и колдовстве // Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.) / пер. с англ., лат., нем., франц. / Под ред. М.А. Тимофеева. М., 1995.
9. *Помпонацци П.* О причинах некоторых естественных явлений или о чародействе // Помпонацци П. Трактаты «О бессмертии души», «О причинах естественных явлений» / пер. с итал. А.Х. Горфункель. М., 1990.
10. *Махов А.Е.* Сад демонов – Hortus Daemonum: словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения. М., 2007.

11. *Кланицай Г.* Структура повествований о наказании и исцелении. Сопоставление чудес и maleficia // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1998.
12. *Мюшембле Р.* Очерки по истории Дьявола: XII–XX. М., 2005.
13. *Арнаутова Ю.Е.* Колдовство и колдовские болезни в Средние века // *Вопросы истории.* 1994. № 11.
14. *Almond Philip C.* Demonic possession and exorcism in early modern England: Contemporary texts and their cultural context. N.Y., 2004.
15. *Арнаутова Ю.Е.* Западноевропейские средневековые «оборотни» // *Вопросы истории.* 1997. № 6.
16. *Тогоева О.* Сказка о Синей Бороде, или Две жизни Жиля де Ре // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории.* 2003. Вып. 5.
17. *Игина Ю.Ф.* Медицина против теологии: дискуссии вокруг ведовства, одержимости дьяволом и практик экзорцизма (Англия, конец XVI – первая половина XVII в.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* 2007. Сер. 2, Вып.3,
18. *Sands K.* Demon possession in Elizabethan England. N.Y., 2004.